

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЕС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СТРАТЕГИЯ В КОНТЕКСТЕ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Наргис КАСЕНОВА

*преподаватель кафедры политологии
Казахстанского института менеджмента, экономики и прогнозирования
(Алматы, Казахстан)*

Преодолевая трудности, Евросоюз постепенно эволюционирует к большей субъектности и способности проводить единую внешнюю политику. Роль геополитического «игрока» подразумевает необходимость выработки стратегии как по отношению к другим крупным «игрокам» — США, России и Китаю, — так и по отношению к регионам, влияющим на безопасность и процветание Европы, — таким, как Центральная Азия. Особенностью указанного региона является его «зажатость» между «самым большим и

важным соседом» ЕС — Россией, а также нарождающейся «мегадержавой»¹ — Китаем. Таким образом, политика ЕС в ЦА не может формироваться вне контекста европейско-российских и европейско-китайских отношений. В данной статье рассмотрены перспективы политики ЕС в Центральной Азии сквозь призму развития отношений между ЕС, Россией и Китаем.

¹ Термин «мегадержава» использовал директор Чэтэм-хауса Виктор Балмер-Томас в своей прощальной речи «Живя с двумя мегадержавами: мир в 2020 году» 6 декабря 2006 года.

Политика Евросоюза,
формирующаяся в отношении региона:
«соседи соседей»

Не будет преувеличением сказать, что выработка политики Евросоюза в отношении ЦА все еще находится на начальной стадии. Хотя программу оказания технической по-

мощи странам СНГ (ТАСИС) ЕС задействовал в 1991 году и за прошедший с того времени период для ее реализации выделил республикам Центральной Азии значительные финансовые средства (свыше 1 млрд евро), подходы к региону как к особой (специфичной) части постсоветского пространства и осознание связанных с ним геополитических вызовов объединенной Европе лишь начинают оформляться.

В 1990-х годах Евросоюз в целом рассматривал ЦА как наиболее отсталую и неразвитую часть Содружества, наименее готовую воспринять западные стандарты и ценности; как источник нетрадиционных угроз европейской безопасности: наркотрафик, распространение оружия массового уничтожения, эпидемии, миграция. В отличие от США, Европа не очень интересовалась особым геостратегическим положением ЦА на евразийском континенте, основное внимание уделяла России и западным республикам СНГ.

Однако с 2001 года ее внимание к региону резко возросло. Этому способствовали события 11 сентября 2001 года, начавшаяся антитеррористическая операция в Афганистане, расширение ЕС (в 2004 и 2007 гг.) и новые опасения по поводу энергетической безопасности Европы, вызванные «газовым конфликтом» между Россией и Украиной (январь 2006 г.). В рамках кампании в Афганистане в ЦА появились (с согласия РФ) военные базы стран НАТО: Соединенных Штатов — в кыргызском Манасе и узбекском Карши-Ханабаде, Германии — в Термезе, расположенном на юге Узбекистана, и Франции — у таджикско-афганской границы.

Расширение Евросоюза сделало государства ЦА (особенно Казахстан) «соседями соседей» ЕС. Через Каспийское море регион прилегает к Южному Кавказу, подпадающему под программу соседства, значит, включается в сферу особого интереса и внимания Европы. На республики Центральной Азии также падает отсвет от интереса и внимания к «западным» странам СНГ, которые все больше демонстрируют свою евро-атлантическую ориентацию.

Российско-украинский «газовый конфликт» устранил Европу, которой не нравятся тенденции политического развития РФ: отход от демократии, рост национализма и великодержавности. Возникли опасения, что такая Россия может использовать свои поставки энергоресурсов в Европу (в первую очередь газа) в качестве рычага политического давления. Поскольку РФ — основной поставщик голубого топлива в государства ЕС (ныне на ее долю приходится половина всего их импорта, а в дальнейшем потребность этих стран в газе будет расти), зависимость Европы от Москвы и потенциальная ненадежность России рассматриваются как весьма серьезные проблемы. Ключ к их решению Брюссель видит в диверсификации поставок, не в последнюю очередь — за счет ресурсов республик ЦА.

Эти факторы способствовали осознанию внешнеполитическими элитами европейских стран необходимости выработки стратегии по отношению к Центрально-Азиатскому региону. А сегодня идет процесс переосмысления сложившихся отношений, общей ситуации в ЦА, возможностей сотрудничества с другими «игроками» (государствами) и перспектив политики ЕС.

Так, председатель германо-центральноазиатской группы в Бундестаге Хеди Вегенер охарактеризовала европейские действия в регионе (за последние 15 лет) как «бесцельные, незапланированные и нескоординированные» и выразила определенный оптимизм по поводу того, что «похожие на лоскутное одеяло отношения между Европой и государствами региона» будут трансформированы «в более стратегические и помогут стабилизировать этот беспокойный регион»².

² Wegener H. Central Asia: At Last Europe May Be Getting its Act Together // Europe's World, Spring 2007, No. 5. P. 16.

Общее представление о контурах формирующейся политики дают следующие два источника:

«Региональный стратегический документ Европейского сообщества по оказанию помощи Центральной Азии на период 2007—2013 годов» (для удобства будем называть его Стратегией 2007—2013), разработанный и принятый в 2007 году под руководством Германии (тогдашнего председателя ЕС), а также проект Общего документа по обсуждению стратегии в Центральной Азии, утвержденный в январе 2007-го³.

Стратегия 2007—2013 построена в духе широкого подхода к безопасности, то есть в ней сделан упор на взаимосвязь безопасности и развития. Так, в качестве целей помощи, следовательно, и политики ЕС в ЦА определены стабильность и безопасность ее республик, оказание им содействия в достижении устойчивого прогресса и снижения уровня бедности, а также развитие более тесного регионального сотрудничества — как в формате Центральной Азии, так и между ее странами и ЕС. Для достижения этих целей финансовые средства будут распределены между тремя приоритетными сферами:

- 1) региональное сотрудничество и добрососедские отношения в ЦА (сети и сообщества; окружающая среда; пограничный контроль и вопросы миграции, борьба с международной преступностью и таможня; образование, наука и связи между людьми);
- 2) снижение уровня бедности и повышение качества жизни;
- 3) поддержка эффективного государственного управления и экономических реформ.

Такой подход обусловлен общей Европейской стратегией безопасности, принятой в декабре 2003 года, согласно которой приоритетом в этой области должно стать создание «кольца из хорошо управляемых государств к востоку от Европейского союза»⁴. Таким образом, фокус смещен с традиционных военно-политических аспектов безопасности на нетрадиционные, а ключ к ним находится, по мнению европейцев, в хорошем управлении.

Хотя данный подход не предполагает прямого противостояния и враждебности, характерных для традиционного подхода к безопасности, классифицирующего страны по степени дружелюбности или враждебности, в нем заложена существенная конкуренция, в чем-то напоминающая идеологическое соперничество периода «холодной войны». Ценности, принципы организации и стандарты становятся причинами разногласий и расхождений в международных отношениях.

Особенно ярко это проявляется в отношениях Евросоюза с постсоветскими республиками, включая государства ЦА. Европейцы настаивают на политических и экономических реформах (по западным стандартам), а страны региона и Россия сопротивляются, ссылаясь на «особенность пути» и временное отставание (так, излюбленным является тезис о долгом пути, по которому прошла Европа, прежде чем достигла современного уровня развития).

Постепенно подобное идеологическое противостояние накладывается на другие факторы и приводит к привычному геополитическому соперничеству за сферы интересов и влияния. В случае ЦА к таким факторам относятся размещение в республиках ре-

³ См.: European Community Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the period 2007—2013 [http://ec.europa.eu/external_relations/ceeca/c_asia/index.htm], 14 May 2007; Joint EUSR-General Secretariat. Joint Discussion Paper on the Strategy for Central Asia (Project) [<http://www.kub.kz/article.php?sid=17234>], 28 April 2007.

⁴ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy, December 2003 [<http://www.iss-eu.org/solana/solanae.pdf>], 23 March 2007.

гиона военных баз для поддержки кампании в Афганистане и энергетический вопрос. При всем неприятии Евросоюзом «новых разделительных линий в Европе» европейцы осознают суровые реалии вновь обострившегося геополитического соперничества между РФ и Западом.

Если в Стратегии 2007—2013 лишь вскользь упоминается о растущей зависимости Европы от поставок энергоресурсов извне и важной роли, которую богатые нефтью и газом государства ЦА могут сыграть в решении этой проблемы, то в документе, принятом в январе 2007 года, данным вопросам уделяется гораздо больше внимания и делается акцент на создание энергетических коридоров между ЦА и Европой через Кавказ. В нем отмечаются «сильные амбиции России и Китая» — двух обладающих «стратегическим весом» соседей, мешающих планам ЕС связать ресурсы региона с транспортными возможностями, а также говорится, что экономическое присутствие России и ключевых азиатских партнеров центральноазиатских стран сконцентрировано в очень определенных секторах и областях, обусловив конкурентный контекст, в котором ЕС не является одним из основных игроков, несмотря на свою значительную вовлеченность.

Под определенными секторами понимается энергетический, а основными конкурентами за энергоресурсы региона являются РФ и Китай. Уверенность, обретенная Москвой в последние годы, большей частью базируется на высоких мировых ценах на нефть и газ; то есть статус России зависит от ее способности экспортировать энергоносители на мировой рынок. Однако своих разрабатываемых запасов ей вскоре будет не хватать из-за недостаточных инвестиций в разведку и добычу⁵. Ресурсы государств могут компенсировать эту нехватку, исходя из чего в последние годы РФ проводит в регионе активную политику, сосредоточенную на получении максимума нефтяных и газовых обязательств от его республик, а также противодействует всем альтернативным проектам транспортировки углеводородов, способным «вывести» это сырье из-под ее влияния.

Россия пытается не допустить прокладки Транскаспийского трубопровода, который доставлял бы туркменский и казахстанский газ на европейские рынки, и в чем очень заинтересован Евросоюз. Соглашение, подписанное в мае 2007 года Россией, Казахстаном и Туркменистаном о строительстве Прикаспийского газопровода, казалось, свело на нет шансы относительно Транскаспийской трубы. Однако, по мнению экспертов, хоронить этот проект рано⁶. Правительства стран ЦА будут до последнего оттягивать окончательное решение и торговаться, используя для этого альтернативные маршруты, взвешивая все «за» и «против», и еще неизвестно, к каким выводам придут. У РФ сильные позиции, но окончательной назвать ее «газовую победу» еще рано.

Китай также весьма заинтересован в энергоресурсах ЦА и методично наращивает свое присутствие в местных энергетических секторах. Построен трубопровод (Атасу — Алашанькоу) для перекачки казахстанской нефти в западный Китай. С Туркменистаном КНР подписала соглашение о прокладке газопровода, который должен доставлять значительные объемы туркменского голубого топлива в Китай в течение 30 лет (с 2009 г.). С Узбекистаном Китайская национальная нефтяная компания заключила ряд контрактов о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли⁷.

Таким образом, КНР, Россия и Запад соперничают за энергоресурсы стран ЦА. Следует отметить, что если эти ресурсы потекут в РФ, то в конечном счете они дойдут до

⁵ См.: *Milov V.* Russian Energy Policy: Challenges and Implications. Roundtable discussion meeting. Chatham House, 20 September 2006 [<http://www.chathamhouse.org.uk/viewdocument.php?documentid=7916>], 15 April 2007.

⁶ См.: *Рубанов И.* Не по праву силы // Эксперт, 21—27 мая 2007, № 19.

⁷ См.: *Xuanli Liao.* Central Asia and China's Energy Security // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, Vol. 4, No. 4. P. 65—67.

Европы; если же они достанутся Китаю, то их не получают ни Россия, ни Европа. Поэтому РФ и европейские страны внимательно наблюдают за строительством трубопроводов в восточном направлении.

Ныне политика ЕС существенно меняется, становится более реалистичной, то есть учитывает фактор жесткого соперничества. До сих пор Евросоюз предпочитал не позиционировать себя в качестве конкурента за влияние — основными внешними «игроками» в ЦА было принято считать Россию, Китай и США. Теперь же Брюссель обеспокоен тем, что проигрывает другим «игрокам» в регионе, в первую очередь РФ и КНР.

Сложность разработки стратегии в отношении ЦА обусловлена рядом факторов. Во-первых, это природа ЕС как наднационального политического проекта, которая затрудняет выработку единой внешней политики. Во-вторых, это неясность перспектив отношений между Евросоюзом и Россией (Москва до сих пор считалась основным «патроном» региона). Третий фактор — вектор развития европейско-китайских отношений — лишь начинает формироваться.

Среди европейских политиков и международных экспертов растет осознание необходимости разработки стратегической позиции по отношению к Китаю, экономический вес и политическое влияние которого неуклонно увеличиваются, ЦА же является регионом, соединяющим и разделяющим Европу и КНР.

ЕС — Россия: сложные времена

Современные европейско-российские отношения находятся в очень непростой фазе: «европейский выбор» РФ все реже упоминается в государственной риторике.

Москва все чаще и резче критикует новых членов ЕС, евро-атлантические организации (ОБСЕ и НАТО) и «двойные стандарты» Запада. Саммит ЕС — Россия, состоявшийся в мае 2007 года в Самаре, не вызывал ни у кого особых надежд и прошел на грани фола. Характерно, что незадолго до этой встречи Европейский институт по изучению вопросов безопасности организовал дискуссию «Россия — сложный партнер для ЕС»⁸.

За последние годы Москва обрела уверенность в себе и дистанцировалась от Запада. Можно спорить о том, что послужило тому причиной — ошибки последнего и потворство авторитарным тенденциям политического развития России, нежелание Запада реально интегрировать РФ или неготовность к этому российских элит, неизжитые имперские комплексы и комплексы бывшей супердержавы, которой необходим особый статус. Как бы то ни было, налицо взаимное разочарование Запада и России и ее уход в полуавтономное плавание.

Используя метафору Дмитрия Тренина, скажем, что РФ создает свою «солнечную систему», отдельную от евро-атлантической, в которой ей отводилась роль не ближе и не важнее Плутона⁹. Постсоветские республики, за исключением стран Балтии, рассматриваются как часть этой системы. То, что они подпадают под европейскую программу соседства, то есть интегрируются в европейское пространство, вызывает у России чувство потери ее прежних позиций.

Расширяющийся Евросоюз пытается сделать это разрастание менее болезненным для РФ, поскольку не хочет, чтобы в Европе возникли «новые разделительные линии»,

⁸ EU Institute for Security Studies. Paris, 23 April 2007 [<http://www.iss-eu.org/activ/content/rep07-04.pdf>], 10 May 2007.

⁹ См.: *Trenin D.* Russia Leaves the West // *Foreign Affairs*, July/August 2006.

однако отрицательные эмоции Москвы его не остановят. Генеральная линия политики Брюсселя в новом «соседском»/постсоветском пространстве — вовлечение России и взаимовыгодное сотрудничество с ней. Так, в документе, озаглавленном «Стратегия для Российской Федерации на период 2007—2013 годов», в качестве основных интересов ЕС (наряду с политической и экономической стабильностью Федерации и партнерством в различных областях для предотвращения «мягких» [нетрадиционных] угроз безопасности) названо укрепление сотрудничества с РФ на Южном Кавказе и в западных республиках СНГ¹⁰.

В вышеуказанной Стратегии Центральная Азия упоминается в качестве региона, находящегося под влиянием России. Кроме того, отмечается неразмеченность казахстанско-российских рубежей и недостаток на них пограничного контроля. Пока граница, отделяющая Россию от ЦА, остается уязвимой для угроз с юга, ЕС не пойдет на существенное ослабление визового режима, которого добивается Москва¹¹.

Что же касается стратегии РФ в отношении Евросоюза, то она носит оборонительный характер. Так, в Обзоре внешней политики Российской Федерации, выпущенном МИД России в марте 2007 года, сотрудничество с ЕС на пространстве СНГ не упоминается, скорее в нем содержится непрямая критика Брюсселя за попытки «воздействовать на процессы в СНГ», «переустроить «европейскую периферию» по навязываемым извне лекалам», оказать «давление на государства-не члены НАТО и ЕС в целях изменения вектора их политической ориентации, вплоть до смены правящих режимов»¹².

При этом у авторов «есть основания исходить из того, что «европейский выбор» Москвы разделяется обществом и политическими элитами других государств Содружества» и что «путь достижения этой цели нужно подсказывать собственным примером»¹³. Тогда непонятно, почему Москва не приветствует «европейский выбор», сделанный постсоветскими республиками напрямую.

Такая «непрямая» логика характеризует и стратегическое видение (вернее, его отсутствие) будущих взаимоотношений РФ и ЕС. По мнению двух известных британских исследователей — Марго Лайт и Роя Аллисона, — обеим сторонам не хватает стратегического видения отношений, и этот недостаток не компенсируется тенденцией к принятию грандиозных программ действий¹⁴. При обсуждении темы «Россия — сложный партнер для ЕС» члены рабочей группы также приходят к выводу, что у руководства РФ нет ясного видения будущего страны, а это негативно влияет на европейско-российские отношения.

В целом, заявившая о своем европейском выборе Россия взяла тайм-аут. В ее политическом сообществе сторонники быстрой интеграции с Западом маргинализированы, а возможность полного или ассоциированного членства РФ в ЕС, по всей видимости, снята с повестки. Так, в своей статье, опубликованной накануне празднования 50-летия ЕС, президент России Путин пишет: «В обозримом будущем мы не собираемся ни входить в Евросоюз, ни вступать с ним в какую-то форму ассоциации»¹⁵.

Частичную вину за нынешнее состояние российско-европейских отношений influential российский политолог Сергей Караганов возлагает на европейскую сторону,

¹⁰ См.: Russian Federation Country Strategy Paper 2007—2013 [http://ec.europa.eu/external_relations/russia/csp/index.htm], 28 April 2007.

¹¹ См.: Там же.

¹² МИД РФ. «Обзор внешней политики Российской Федерации», 27 марта 2007 [http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD], 5 April 2007.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Light M., Allison R. The Place of Europe in Russian Foreign Policy. В кн.: Putin's Russia and the Enlarged Europe. London: Chatham House Papers, Blackwell Publishing, 2006. P. 16.

¹⁵ Путин В. Полвека европейской интеграции и Россия (статья опубликована в ряде европейских СМИ), 25 марта 2007 [<http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/03/120754.shtml>], 27 апреля 2007.

отмечая, что «сейчас из-за временного ослабления Евросоюза, усиления роли «новых европейцев», которые еще не переварены союзом, превалируют настроения жесткого конкурентного соперничества». По его мнению, этот период надо «пересидеть» и подождать улучшений. К этому сроку в общественном сознании РФ возникнет усталость от «стабильности» и, таким образом, появится возможность для реформ и определения вектора развития¹⁶.

В то время как российские политики и политологи демонстрируют относительное спокойствие по поводу ухудшающихся отношений между Москвой и Европой, их европейские коллеги выглядят разочарованными и озадаченными. Они пытаются понять, что делать с новой самоуверенной Россией, уже не выражающей особого желания интегрироваться с Западом, как реагировать на растущую зависимость Европы от российского газа и как совмещать необходимое сотрудничество с вынужденным соперничеством. Политика ЕС в Центральной Азии будет зависеть от того, какие ответы будут даны на эти вопросы.

ЕС — Китай: «новая азиатская империя у ворот Запада»

Если отношения России и Евросоюза, а также их проблематика — темы традиционные и разработаны политологическим сообществом, то экспертиза и прогнозирование, касающиеся другого евразийского гиганта — Китая, лишь формируются. Европейский институт по изучению вопросов безопасности сделал попытку всесторонне проанализировать проблемы европейской политики в отношении КНР, а результаты этой работы опубликовал в виде книги «Перед лицом подъема Китая: руководство для стратегии ЕС»¹⁷.

Франсуа Годман, один из авторов данного издания, считает, что подъем КНР неоспорим, поскольку сегодня это «международный торговый гигант с растущими военными расходами и гиперактивной региональной дипломатией — как в Азии, так и в остальном развивающемся мире». По его мнению, эти факты указывают на возможность китайской гегемонии в Азии, на появление своего рода «новой азиатской империи у ворот Запада»¹⁸.

Если США давно озабочены «китайским фактором», то Европа лишь начала задумываться о том, как рост Китая может повлиять на ее положение в частности и глобальный миропорядок в целом. Вот основные вопросы, вокруг которых идет обсуждение: как будут складываться отношения между традиционным и главным союзником Европы — Соединенными Штатами — и прогрессирующим Китаем, который захочет максимально вытеснить США из азиатского региона? Как этот геополитический сдвиг отразится на безопасности Азии, где у Европы большие экономические интересы? Какой должна быть европейская политика в обстановке растущего геополитического соперничества в Азии, особенно между КНР и Японией?

До сих пор европейские страны проводили в отношении Китая достаточно аккуратную политику, нацеленную на его становление в качестве «ответственного участни-

¹⁶ См.: Караганов С. Как России попасть в Европу // Новая газета, 6—13 апреля 2007.

¹⁷ Facing China's Rise: Guidelines for a EU Strategy / Ed. by M. Zaborowski. В сб.: Chaillot Paper, December 2006, No. 94 (Paris: EU Institute for Security Studies).

¹⁸ Godement F. Neither Hegemon Nor Soft Power: China's Rise at the Gates of the West. В кн.: Facing China's Rise: Guidelines for a EU Strategy. P. 51.

ка» международных процессов. Европа — крупнейший торговый партнер и источник инвестиций для китайской экономики. Стороны постоянно ведут диалоги на различные темы — как в двустороннем, так и многостороннем форматах (таких, как Азиатско-Европейская встреча, ASEM). В 2003 году было заявлено о стратегическом партнерстве между ЕС и КНР.

Тем не менее содержание упомянутого сотрудничества не отличается конкретикой и стороны понимают его по-разному. Так, после подписания соглашения о партнерстве Пекин ожидал, что Брюссель отменит эмбарго на продажу вооружения, однако последний этого не сделал, хотя и рассматривал такую возможность. Эмбарго было введено в 1998 году (после событий на площади Тяньаньмэнь), и его снятие увязывается с улучшением ситуации с правами человека в Китае. Прежде чем отменить эмбарго, ЕС ожидает от Пекина выполнения некоторых требований: ратификации Конвенции ООН по гражданским и политическим правам, освобождения заключенных, брошенных в тюрьмы в результате Тяньаньмэня¹⁹.

Как и следовало ожидать, США и Япония резко возражали против снятия эмбарго. Так, перед Брюсселем встали вопросы об ответственности за состояние азиатской безопасности и роли ЕС в этом. Учитывая существенное и целенаправленное наращивание КНР военных расходов (более 10% в течение последних 17 лет), а также потенциальный конфликт между континентальным Китаем и Тайванем, который может перерасти в войну между КНР и США, ЕС решил сохранить эмбарго, что разочаровало китайского «стратегического партнера». Интересно, что для отмены эмбарго Брюссель добавил еще одно условие — прозрачность военных расходов. Кроме того, Пекину не могло прийти по душе создание диалогов ЕС — США и ЕС — Япония по вопросам безопасности в Восточной Азии.

Наряду с ситуацией в Азии все большую озабоченность европейцев вызывают растущее влияние КНР в мире и то, как оно воздействует на политический рост развивающихся стран (особенно это касается Африки). Поскольку Китай, в отличие от Запада, не обременяет свою финансовую, техническую и военную помощь никакими условиями по соблюдению прав человека, ему удастся заручиться поддержкой руководства государств, не придерживающихся демократических устоев, но богатых природными ресурсами. Такая политика получила название «пекинского консенсуса» — в противовес «вашингтонскому».

Подобного же рода конкуренция происходит и в ЦА, из которой КНР достаточно успешно вытесняет Запад с его ценностями и принципами. На очередном саммите Шанхайской организации сотрудничества Пекин пообещал выделить странам-членам ШОС льготные кредиты (900 млн долл.)²⁰. Таким образом, ЕС вовлечен в весьма непростую борьбу за ресурсы региона. С одной стороны, он может потерять свои позиции из-за ставящихся условий по соблюдению прав человека, с другой — если Евросоюз снимет их, то дискредитирует себя и утратит основу своей идентичности.

Регион в евразийском стратегическом треугольнике (ЕС — Россия — Китай)

Все три центра силы — ЕС, Россию и Китай — можно охарактеризовать как ревизионистские, то есть имеющие своей целью изменить баланс сил в международной системе.

¹⁹ См.: *Berkofsky A.* The EU — China Strategic Partnership: Rhetoric versus Reality. В кн.: *Facing China's Rise: Guidelines for a EU Strategy.* P. 105.

²⁰ См.: *Панфилова В.* Узбекистан заработал на саммите ШОС почти 4 миллиарда долларов // Независимая газета, 30 июня 2004.

При этом РФ и КНР представляют собой классический вариант государств-ревизионистов. Они считают, что не играют подобающей им роли в современном миропорядке: Россия желает вернуть статус полноценной глобальной державы, утраченный с распадом СССР, и восстановить сферу влияния на постсоветском пространстве, а Китай стремится к традиционной гегемонии в Азии после «века унижений», длившегося с середины XIX до середины XX столетий. Обе страны выступают за многополярность международной системы, то есть за уменьшение роли единственной на сегодняшний день супердержавы — США.

Евросоюз же — ревизионист нового, особого типа. Его экспансия стимулируется не поиском престижа и желанием восстановить статус, а соображениями безопасности. ЕС пытается создать вокруг себя пояс стабильных и процветающих государств, приблизив их политические и экономические системы к европейским моделям и стандартам. Главное оружие такой экспансии — привлекательность ЕС как успешного политического проекта и экономического гиганта.

РФ считает, что ЦА традиционно находится в сфере ее жизненных интересов, поскольку регион был частью Российской империи, а затем Советского Союза. Для КНР центральноазиатские республики — стратегический тыл, который необходимо держать под контролем с целью сохранения безопасности в своих западных провинциях. А Евросоюз рассматривает страны региона как «соседей своих соседей» — усиление здесь европейского влияния окажет благотворное воздействие на общую безопасность Европы. К тому же все три «игрока» соперничают за богатые ресурсы республик ЦА.

В начале 1990-х годов Збигнев Бжезинский охарактеризовал Центральную Азию и Кавказ как регионы, отличающиеся «вакуумом силы», то есть отсутствием гегемонии одной из держав²¹. Очевидно, что в ЦА этот вакуум пытаются заполнить Россия, Китай и (с переменным успехом) США. Постепенно к этой игре подключается и Евросоюз. Поскольку Соединенные Штаты находятся достаточно далеко и их интересы в регионе не обязательно будут отличаться долгосрочностью, а также существенно варьироваться, то можно предположить, что основная конкуренция развернется между евразийскими «игроками»: Россией, Китаем и Евросоюзом.

Для судеб государств ЦА крайне важно, как будут развиваться отношения между этими тремя «игроками» (можно предложить ряд схематичных сценариев). Согласно первому, РФ продолжит отдаляться от Евросоюза и будет дальше сближаться с КНР, создав антизападный фронт для многополярности международной системы. В данном случае влияние Пекина будет расти, а Москве будет сложно ему что-то противопоставить. Совместно они смогут свести до минимума интеграцию региона с Западом, и тогда политическое развитие стран ЦА затормозится.

Второй сценарий предполагает сохранение статус-кво: РФ будет довольно долго находиться в автономном плавании, вести свою собственную игру, не сближаясь ни с Западом, ни с КНР. При таком варианте Россия будет соперничать за влияние в регионе как с Китаем, так и с Западом, не отдавая никому особых предпочтений. Страны ЦА используют эту ситуацию для «выбивания» выгодных для себя условий, что в конце концов может пагубно на них сказаться, поскольку политика будет проводиться на основе сиюминутной конъюнктуры, а не видения дальнейшего развития. РФ попытается интегрировать республики региона, но пока нет особых оснований думать, что ее планы окажутся успешными.

По третьему сценарию, после некоторого тайм-аута Россия возвратится на путь интеграции с Западом, на что рассчитывают многие европейские и российские эксперты и политики. Не последнюю роль в мотивации такого сближения они видят в увеличиваю-

²¹ См.: Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2000. С. 150.

щейся мощи КНР. В одном из своих интервью председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы Рене ван дер Линден с грустью заметил, что Россия и Евросоюз отдаляются друг от друга, хотя у них есть общие интересы, в том числе обусловленные растущей мощью Китая²².

Рой Аллисон также видит перспективу в координации политики ЕС в Азии с политической РФ. По его мнению, в перспективе это способно стать основным элементом, связывающим ЕС и Россию, поскольку опасения Москвы по поводу близости прогрессирующей КНР с геополитической точки зрения можно уменьшить посредством более глубокого структурного сотрудничества с Европой²³.

Это мнение разделяют и российские сторонники «европейского выбора», которые считают, что Запад также получит большие преимущества от интеграции с РФ. Так, Сергей Караганов предлагает создание сверхсоюза — очень выгодного для ЕС стратегического союза с Россией, обладающей огромной территорией, вооруженными силами и ресурсным потенциалом.

Если РФ опять «пойдет» на Запад, то не совсем понятно, что начнет происходить в ЦА. Будет ли это означать, что Москва, как и в начале 1990-х годов, вновь станет изолироваться от проблемного региона? Например, по мнению экспертов, установление безвизового режима между ЕС и Россией потребует укрепления ее границ на юге²⁴. Или же с помощью ЕС РФ попытается «организовать» Центральную Азию? Но сегодня российские сторонники интеграции с Европой в основном игнорируют этот вопрос.

Перспективы политики ЕС в ЦА

Судя по ключевым документам, Евросоюз решил увеличить свое влияние в регионе и включиться в соперничество за него с другими крупными «игроками» — Россией и Китаем, так как обладает достаточными конкурентными преимуществами для участия в данном процессе. Во-первых, привлекательностью европейских политической и экономической моделей, а также ценностей. Население республик ЦА привыкло воспринимать Европу как носительницу ценностей современной цивилизации. Политическая оппозиция и гражданский сектор постоянно апеллируют к примеру Европы, не могут полностью игнорировать его и правящие элиты. Во-вторых, ЕС — мощная экономическая «держава», расположенная в пределах досягаемости региона со всеми потенциально вытекающими отсюда последствиями. Евросоюз — источник инвестиций и технических инноваций. В-третьих, он (вкуче с США) создает альтернативу российскому и китайскому доминированию в регионе, что понимают политические элиты его стран.

Среди слабых сторон ЕС можно отметить сложность выработки единой внешней политики, обусловленную многонациональным составом Евросоюза; недостаточное знание региона (в Европе очень мало экспертов по ЦА); отдаленность региона от ЕС, что является не слабостью, а скорее фактором, влияющим на интерес к ЦА со стороны Европы (это подразумевает и усилия, которые будут прилагаться).

²² См.: Европейский дом без трубы // Новая газета, 26 января — 2 февраля 2007, № 3 (91).

²³ См.: Allison R. Russian Security Engagement with the European Union. В кн.: Putin's Russia and the Enlarged Europe. P. 80.

²⁴ См.: Light M. Russian Political Engagement with the European Union. В кн.: Putin's Russia and the Enlarged Europe. P. 59.

Обычно для расширения своего влияния Евросоюз использовал мощный рычаг — возможность интеграции в ЕС, что помогло провести трансформацию центрально- и восточноевропейских государств, а также «подтолкнуло» реформы в Турции. Вместе с тем полная интеграция с ЕС Центральной Азии не «грозит», однако ее большее включение в Программу соседства могло бы стимулировать проевропейскую ориентацию региона. Важно отметить, что без подключения ЦА значимость транспортных коридоров с Южного Кавказа для энергетической безопасности Европы существенно снизится.

Если же Европа оставит Центральную Азию полностью в сфере влияния России и Китая, то регион может стать источником угроз в долгосрочном плане, поскольку ни Москва, ни Пекин не смогут решить его проблемы. ЦА обладает существенным конфликтным потенциалом, в силу чего ЕС лучше быть готовым к неблагоприятным ситуациям и продумывать превентивные меры.

До сих пор Центральная Азия рассматривалась в этой статье как цельный регион, поскольку обсуждался геополитический аспект проблемы — выработка стратегии Евросоюза в ЦА. Однако такой крупномасштабный подход обуславливает лишь частичное понимание вопроса. Успешность политики зависит от знания реалий (в данном случае особенностей) каждой страны региона.

Несмотря на различные интеграционные проекты и союзы, республики ЦА все больше отличаются (и отделяются) друг от друга по экономическим и политическим параметрам. Казахстан наиболее продвинулся на пути рыночных реформ и смог привлечь значительные иностранные инвестиции. Благодаря высоким ценам на нефть его ВВП ныне превышает совокупный ВВП остальных государств ЦА. Политические системы Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана являются авторитарными, однако и здесь есть существенные различия. Относительно либеральная казахстанская авторитарная система правления выделяется на фоне жесткого авторитаризма в Узбекистане, Таджикистане и только начинающей «оттаивать» тоталитарной системы в Туркменистане. В Кыргызстане, прошедшем через «революцию тюльпанов», свергнувшую авторитарный режим А. Акаева, наблюдается хронический кризис, из которого, по всей видимости, КР еще не скоро выйдет.

Сотрудничество с авторитарными режимами не может быть привлекательным и удобным для Евросоюза. Перед европейскими политиками возникают (и будут возникать) дилеммы: выступить в защиту прав человека, нанеся тем самым ущерб своим экономическим или другим интересам, или же промолчать и частично дискредитировать свою репутацию. Правильный тезис о пользе политики вовлечения и низкой эффективности санкций не дает характеристик всех конкретных ситуаций.

С геополитической точки зрения Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан находятся в слабом состоянии, поэтому активно поддерживают патронаж со стороны России. В этом направлении, судя по последним событиям, движется и Туркменистан. Казахстан же, несмотря на то что он всегда был главным российским союзником и партнером по интеграции, может еще некоторое время продолжать балансирование интересов благодаря своему увеличившемуся политическому весу. Таким образом, видимо, для Евросоюза целесообразно, уделяя внимание каждой республике, сделать акцент на Казахстане — как стране, наиболее подготовленной для полноценного сотрудничества и свободной в своих действиях (хотя следует признать, что уровни готовности и свободы РК весьма невысоки).

Для политики ЕС в Центральной Азии важен контекст европейско-российских отношений. Евросоюз предпочитает сотрудничество с Россией на постсоветском пространстве, однако в атмосфере растущего геополитического соперничества этот формат сложно реализовать. Для ЦА сценарий партнерства в регионе ЕС и России представляется наиболее благоприятным. Если бы государствам Европы удалось убедить Москву в том,

что сотрудничество в ЦА взаимовыгодно для обеих сторон, возникли бы условия для стабилизации и развития республик региона.

Евразийское пространство — непосредственное поле деятельности для ЕС, источник угроз и возможностей. От того, сможет ли Евросоюз выработать и реализовать эффективную стратегию в отношении других евразийских гигантов — России и Китая, а также расположенной между ними Центральной Азии, зависит успешность ЕС как геополитического «игрока».
